

Гавриил Николаевич Троепольский

Белый Бим Черное ухо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147563

Белый Бим Черное ухо : повести и рассказы, очерки : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56183-4

Аннотация

Пронзительная и трогательная история о собаке по кличке Бим – преданном и верном друге своего хозяина – заставляла плакать не одно поколение детей и взрослых, прочитавших повесть замечательного русского писателя Г. Троепольского «Белый Бим Черное ухо». Удачная экранизация сделала эту работу автора еще более популярной.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гавриил Троепольский

Белый Бим Черное ухо

Повесть

Посвящается Александру Трифоновичу Твардовскому

Глава первая

Двое в одной комнате

Жалобно и, казалось, безнадежно он вдруг начинал скулить, неуклюже переваливаясь туда-сюда, – искал мать. Тогда хозяин сажал его себе на колени и совал в ротик соску с молоком.

Да и что оставалось делать месячному щенку, если он ничего еще не понимал в жизни ровным счетом, а матери все нет и нет, несмотря ни на какие жалобы. Вот он и пытался задавать грустные концерты. Хотя, впрочем, засыпал на руках хозяина в объятиях с бутылочкой молока.

Но на четвертый день малыш уже стал привыкать к теплоте рук человека. Щенки очень быстро начинают отзываться на ласку.

Имени своего он еще не знал, но через неделю точно установил, что он – Бим.

В два месяца он с удивлением увидел вещи: высоченный для щенка письменный стол, а на стене – ружье, охотничью сумку и лицо человека с длинными волосами. Ко всему этому быстренько привык. Ничего удивительного не было уже и в том, что человек на стене неподвижен: раз не шевелится – интерес небольшой. Правда, несколько позже, потом, он нет-нет да и посмотрит: что бы это значило – лицо выглядывает из рамки, как из окошка?

Вторая стена была занимательнее. Она вся состояла из разных брусочков, каждый из которых хозяин мог вытащить и вставить обратно. В возрасте четырех месяцев, когда Бим уже смог дотянуться на задних лапках, он сам вытащил брусочек и попытался его исследовать. Но тот зашелестел почему-то и оставил в зубах Бима листок. Очень забавно было раздирать на мелкие части тот листок.

– Это еще что?! – прикрикнул хозяин. – Нельзя! – и тыкал Бима носом в книжку. – Бим, нельзя. Нельзя!

После такого внушения даже человек откажется от чтения, но Бим – нет: он долго и внимательно смотрел на книги, склоняя голову то на один бок, то на другой. И, видимо, решил так: раз уж нельзя эту, возьму другую. Он тихонько вцепился в корешок и утащил это самое под диван, там отжевал сначала один угол переплета, потом второй, а забывшись, выволок незадачливую книгу на середину комнаты и начал терзать лапами играючи, да еще и с припрыгом.

Вот тут-то он и узнал впервые, что такое «больно» и что такое «нельзя». Хозяин встал из-за стола и строго сказал:

– Нельзя! – и трепанул за ухо. – Ты же мне, глупая твоя голова, «Библию для верующих и неверующих» изорвал. – И опять: – Нельзя! Книжки – нельзя! – Он еще раз дернул за ухо.

Бим взвизгнул да и поднял все четыре лапы кверху. Так лежа на спине, он смотрел на хозяина и не мог понять, что же, собственно, происходит.

– Нельзя! Нельзя! – долбил тот нарочито и совал снова и снова книгу к носу, но уже не наказывал. Потом поднял щенка на руки, гладил и говорил одно и то же: – Нельзя, мальчик, нельзя, глупыш. – И сел. И посадил на колени.

Так в раннем возрасте Бим получил от хозяина мораль через «Библию для верующих и неверующих». Бим лизнул ему руку и внимательно смотрел в лицо.

Он уже любил, когда хозяин с ним разговаривал, но понимал пока всего лишь два слова: «Бим» и «нельзя». И все же очень, очень интересно наблюдать, как свисают на лоб белые волосы, шевелятся добрые губы и как прикасаются к шерстке теплые, ласковые пальцы. Зато Бим уже абсолютно точно умел определить – веселый сейчас хозяин или грустный, ругает он или хвалит, зовет или прогоняет.

А он бывал и грустным. Тогда говорил сам с собой и обращался к Биму:

– Так-то вот и живем, дурачок. Ты чего смотришь на нее? – указывал он на портрет. – Она, брат, умерла. Нет ее. Нет... – Он гладил Бима и в полной уверенности приговаривал: – Ах ты мой дурачок, Бимка. Ничего ты еще не понимаешь.

Но прав был он лишь отчасти, так как Бим понимал, что сейчас играть с ним не будут, да и слово «дурачок» принимал на свой счет, и «мальчик» – тоже. Так что когда его большой друг окликал дурачком или мальчиком, то Бим шел немедленно, как на кличку. А раз уж он, в таком возрасте, осваивал интонацию голоса, то, конечно же, обещал быть умнейшей собакой.

Но только ли ум определяет положение собаки среди своих собратьев? К сожалению, нет. Кроме умственных задатков, у Бима не все было в порядке.

Правда, он родился от породистых родителей, сеттеров, с длинной родословной. У каждого его предка был личный листок, свидетельство. Хозяин мог бы по этим анкетам не только дойти до прадеда и пробабки Бима, но и знать, при желании, прадедового прадеда и прабабушкину прабабушку. Это все, конечно, хорошо. Но дело в том, что Бим при всех достоинствах имел большой недостаток, который потом сильно отразился на его судьбе: хотя он был из породы шотландских сеттеров (сеттер-гордон), но окрас оказался абсолютно нетипичным – вот в чем и соль. По стандартам охотничьих собак сеттер-гордон должен быть обязательно черный, с блестящим синеватым отливом – цвета воронова крыла, и обязательно с четко отграниченными яркими отметинами, рыже-красными подпалинами, даже белые отметины считаются большим пороком у гордонов. Бим же выродился таким: туловище белое, но с рыженькими подпалинами и даже чуть заметным рыжим крапом, только одно ухо и одна нога черные, действительно – как вороново крыло, второе ухо мягкого желтовато-рыженького цвета. Даже удивительно подобное явление: по всем статьям – сеттер-гордон, а окрас – ну ничего похожего. Какой-то далекий-далекий предок взял вот и выскочил в Биме: родители – гордоны, а он – альбинос породы.

В общем-то, с такой разноцветностью ушей и с подпалинками под большими умными темно-кариими глазами морда Бима была даже симпатичней, приметней, может быть, даже умнее или, как бы сказать, философичней, раздумчивей, чем у обычных собак. И право же, все это нельзя даже назвать мордой, а скорее – собачьим лицом. Но по законам кинологии белый окрас, в конкретном случае, считается признаком вырождения. Во всем – красавец, а по стандартам шерстного покрова – явно сомнительный и даже порочный. Такая вот беда была у Бима.

Конечно, Бим не понимал вины своего рождения, поскольку и щенкам не дано природой до появления на свет выбирать родителей. Биму просто не дано и думать об этом. Он жил себе и пока радовался.

Но хозяин-то беспокоился: дадут ли на Бима родословное свидетельство, которое закрепило бы его положение среди охотничьих собак, или он останется пожизненным изгоем? Это будет известно лишь в шестимесячном возрасте, когда щенок (опять же по законам кинологии) определится и оформится в близкое к тому, что называется породной собакой.

Владелец матери Бима в общем-то уже решил было выбраковать белого из помета, то есть утопить, но нашелся чудака, которому стало жаль такого красавца. Чудака тот и был теперешним хозяином Бима: глаза ему понравились, видите ли, умные. Надо же! А теперь и стоит вопрос: дадут или не дадут родословную?

Тем временем хозяин пытался разгадать, откуда такая аномалия у Бима. Он перевернул все книги по охоте и собаководству, чтобы хоть немного приблизиться к истине и доказать со временем, что Бим не виноват. Именно для этого он и начал выписывать из разных книг в толстую общую тетрадь все, что могло оправдать Бима как действительного представителя породы сеттеров. Бим был уже его другом, а друзей всегда надо выручать. В противном случае – не ходить Биму победителем на выставках, не греметь золотыми медалями на груди: какой бы он ни был золотой собакой на охоте, из породных он будет исключен.

Какая же все-таки несправедливость на белом свете!

Записки охотника

В последние месяцы Бим незаметно вошел в мою жизнь и занял в ней прочное место. Чем же он взял? Добротой, безграничным доверием и лаской – чувствами всегда неотразимыми, если между ними не втерлось подхалимство, каковое может потом, постепенно, превратить все в ложное – и доброту, и доверие, и ласку. Жуткое это качество – подхалимаж. Не дай-то боже! Но Бим – пока малыш и милый собачонок. Все будет зависеть в нем от меня, от хозяина.

Странно, что и я иногда замечаю теперь за собой такое, чего раньше не было. Например, если увижу картину, где есть собака, то прежде всего обращаю внимание на ее окрас и породистость. Сказывается беспокойство от вопроса: дадут или не дадут свидетельство?

Несколько дней назад был в музее на художественной выставке и сразу же обратил внимание на картину Д. Бассано (XVI век) «Моисей иссекает воду из скалы». Там на переднем плане изображена собака – явно прототип легавой породы, со странным, однако, окрасом: туловище белое, морда же, рассеченная белой проточиной, черная, уши тоже черные, а нос белый, на левом плече черное пятно, задний костреч тоже черный. Измученная и тощая, она жадно пьет долгожданную воду из человеческой миски.

Вторая собака, длинношерстная, тоже с черными ушами. Обессиленный от жажды, она положила на колени хозяина голову и смиренно ожидает воду.

Рядом – кролик, петух, слева – два ягненка.

Что хотел сказать художник?

Ведь за минуту до этого все они были в отчаянии, у них не было ни капли надежды. И они говорили в глаза спасшему их от рабства Моисею:

«О, если бы мы умерли от руки господней в земле египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Ибо вывел ты нас в эту пустыню, чтобы всех собравшихся уморить голодом».

Моисей с великой горестью понял, как глубоко овладел людьми дух рабский: хлеб в достатке и котлы с мясом им дороже свободы. И вот он высек воду из скалы. И было в тот час благо всем, идущим за ним, что и ощущается в картине Бассано.

А может быть, художник и поместил собак на главное место как укор людям за их малодушие в несчастье, как символ верности, надежды и преданности? Все может быть. Это было давно.

Картине Д. Бассано около четырехсот лет. Неужели же черное и белое в Биме идет от тех времен? Не может того быть. Впрочем, природа есть природа.

Однако вряд ли это поможет чем-то отстранить обвинение против Бима в его аномалиях расцветки тела и ушей. Ведь чем древнее будут примеры, тем крепче его обвинят в атавизме и неполноценности.

Нет, надо искать что-то другое. Если же кто-то из кинологов и напомним о картине Д. Бассано, то можно, на крайний случай, сказать просто: а при чем тут черные уши у Бассано? Поищем данные ближе к Биму по времени.

Выписка из стандартов охотничьих собак: «Сеттеры-гордоны выведены в Шотландии... Порода сложилась к началу второй половины XIX столетия... Современные шотландские сеттеры, сохранив свою мощь и массивность костяка, приобрели более быстрый ход. Собаки спокойного, мягкого характера, послушные и незлобные, они рано и легче принимаются за работу, успешно используются и на болоте, и в лесу... Характерна отчетливая, спокойная, высокая стойка с головой не ниже уровня холки...»

Из двухтомника «Собаки» Л.П. Сабанеева, автора замечательных книг – «Охотничий календарь» и «Рыбы России»:

«Если мы примем во внимание, что в основании сеттера лежит самая древняя раса охотничьих собак, которая в течение многих столетий получала, так сказать, домашнее воспитание, то не станем удивляться тому, что сеттеры представляют едва ли не самую культурную и интеллигентную породу».

Так! Бим, следовательно, собака интеллигентной породы. Это уже может пригодиться.

Из той же книги Л.П. Сабанеева:

«В 1847 году Пэрлендом из Англии были привезены для подарка великому князю Михаилу Павловичу два замечательных красивых сеттера очень редкой породы... Собаки были непродажные и променены на лошадь, стоившую 2000 рублей...» Вот. Вез для подарка, а содрал цену двадцати крепостных. Но виноваты ли собаки? И при чем тут Бим? Это непригодно.

Из письма известного в свое время природолюбца, охотника и собаководы С.В. Пенского к Л.П. Сабанееву:

«Во время крымской войны я видел очень хорошего красного сеттера у Сухова-Кобылина, автора „Свадьбы Кречинского“, и желто-пегих в Рязани у художника Петра Соколова».

Ага, это уже близко к делу. Интересно: даже старик имел тогда сеттера. А у художника – желто-пегий.

Не оттуда ли твоя кровь, Бим? Вот бы! Но зачем тогда... Черное ухо? Непонятно.

Из того же письма:

«Породу красных сеттеров вел также московский дворцовый доктор Берс. Одну из красных сук он поставил с черным сеттером покойного императора Александра Николаевича. Какие вышли щенки и куда они девались – не знаю; знаю только, что одного из них вырастил у себя в деревне граф Лев Николаевич Толстой».

Стоп! Не тут ли? Если твоя нога и ухо черны от собаки Льва Николаевича Толстого, ты счастливая собака, Бим, даже без личного листка породы, самая счастливая из всех собак на свете. Великий писатель любил собак.

Еще из того же письма:

«Императорского черного кобеля я видел в Ильинском после обеда, на который государь пригласил членов правления московского общества охоты. Это была очень крупная и весьма красивая комнатная собака, с прекрасной головой, хорошо одетая, но сеттериного типа в ней было мало, к тому же ноги были слишком длинны, и одна из ног совершенно

белая. Говорят, сеттер этот был подарен покойному императору каким-то польским паном, и слух ходил, что кобель-то был не совсем кровный».

Выходит, польский пан облапошил императора? Могло быть. Могло это быть и на собачьем фронте. Ох уж этот мне черный императорский кобель! Впрочем, тут же рядом идет кровь желтой суки Берса, обладавшей «чутьем необыкновенным и замечательной сметкой». Значит, если даже нога твоя, Бим, от черного кобеля императора, то весь-то ты вполне можешь быть дальним потомком собаки величайшего писателя... Но нет, Бимка, дудки! Об императорским – ни слова. Не было – и все тут. Еще чего недоставало.

Что же остается на случай возможного спора в защиту Бима? Моисей отпадает по понятным причинам. Сухово-Кобылин отпадает и по времени, и по окрасу. Остается Лев Николаевич Толстой: а) по времени ближе всех; б) отец его собаки был черным, а мать красная. Все подходяще. Но отец-то, черный-то, – императорский, вот загвоздка.

Как ни поверни, о поисках дальних кровей Бима приходится молчать. Следовательно, кинологи будут определять только по родословной отца и матери Бима, как у них полагается: нет белого в родословной и – аминь. А Толстой им – ни при чем. И они правы. Да и в самом деле, этак каждый может происхождение своей собаки довести до собаки писателя, а там и самому недалеко до Л.Н. Толстого. И действительно: сколько их у нас, Толстых-то! Ужас как много объявилось, помрачительно много.

Как ни обидно, но разум мой готов уже смириться с тем, что Биму быть изгоем среди породистых собак. Плохо. Остается одно: Бим – собака интеллигентной породы. Но и это – не доказательство (на то и стандарты).

– Плохо, Бим, плохо, – вздохнул хозяин, отложив ручку и засунув в стол общую тетрадь.

Бим, услышав свою кличку, поднялся с лежака, сел, наклонив голову на сторону черного уха, будто слушал только желто-рыженьким. И это было очень симпатично. Всем своим видом он говорил: «Ты хороший, мой добрый друг. Я слушаю. Чего же ты хочешь?» Хозяин сразу же повеселел от такого вопроса Бима и сказал:

– Ты молодец, Бим! Будем жить вместе, хотя бы и без родословной. Ты хороший пес. Хороших собак все любят. – Он взял Бима на колени и гладил его шерстку, приговаривая: – Хорошо. Все равно хорошо, мальчик.

Биму было тепло и уютно. Он тут же на всю жизнь понял: «хорошо» – это ласка, благодарность и дружба.

И Бим уснул. Какое ему дело до того, кто он, его хозяин? Важно – он хороший и близкий.

– Эх ты, черное ухо, императорская нога, – тихо сказал тот и перенес Бима на лежак.

Он долго стоял перед окном, всматриваясь в темно-сиреневую ночь. Потом взглянул на портрет женщины и проговорил:

– Видишь, мне стало немножко легче. Я уже не одинок. – Он не заметил, как в одиночестве постепенно привык говорить вслух ей или даже самому себе, а теперь и Биму. – Вот и не один, – повторил он портрету.

А Бим спал.

Так они и жили вдвоем в одной комнате. Бим рос крепышом. Очень скоро он узнал, что хозяина зовут «Иван Иванович». Умный щенок, сообразительный. И мало-помалу он понял, что ничего нельзя трогать, можно только смотреть на вещи и людей. И вообще все нельзя.

Если не разрешит или даже не прикажет хозяин. Так слово «нельзя» стало главным законом жизни Бима. А глаза Ивана Ивановича, интонация, жесты, четкие слова-приказы и слова ласки были руководством в собачьей жизни. Более того, самостоятельные решения к какому-либо действию никоим образом не должны были противоречить желаниям хозяина.

Зато Бим постепенно стал даже угадывать некоторые намерения друга. Вот, например, стоит он перед окном и смотрит, смотрит вдаль и думает, думает. Тогда Бим садится рядом и тоже смотрит, и тоже думает. Человек не знает, о чем думает собака, а собака всем видом своим говорит: «Сейчас мой добрый друг сядет за стол, обязательно сядет. Походит немного из угла в угол и сядет и будет водить по белому листку палочкой, а та будет чуть-чуть шептать. Это будет долго, потому посижу-ка и я с ним рядом». Затем ткнется носом в теплую ладонь. А хозяин скажет:

– Ну, что, Бимка, будем работать, – и правда садится.

А Бим калачиком ложится в ногах или, если сказано «на место», уйдет на свой лежак в угол и будет ждать. Будет ждать взгляда, слова, жеста. Впрочем, через некоторое время можно и сойти с места, заниматься круглой костью, разгрызть которую невозможно, но зубы точить – пожалуйста, только не мешай.

Но когда Иван Иванович закроет лицо ладонями, облокотившись на стол, тогда Бим подходит к нему и кладет разноухую мордашку на колени. И стоит. Знает, погладит. Знает, другу что-то не так.

Но не так было на лугу, где оба забывали обо всем. Здесь можно бегать, резвиться, гоняться за бабочками, барахтаться в траве – все было позволительно. Однако и здесь, после восьми месяцев жизни Бима, все пошло по командам хозяина: «поди-поди!» – можешь играть, «назад!» – очень понятно, «лежать!» – абсолютно ясно, «ап!» – перепрыгивай, «ищи!» – разыскивай кусочки сыра, «рядом!» – иди рядом, но только слева, «ко мне!» – быстро к хозяину, будет кусочек сахара. И много других слов узнал Бим до года. Друзья все больше и больше понимали друг друга, любили и жили на равных – человек и собака.

Но случилось однажды такое, что у Бима жизнь изменилась и он повзрослел за несколько дней. Произошло это только потому, что Бим вдруг открыл у хозяина большой, поразительный недостаток.

Дело было так. Тщательно и старательно шел Бим по лугу челноком, разыскивая разбросанный сыр, и вдруг среди разных запахов трав, цветов, самой земли и реки ворвалась струя воздуха, необычная и волнующая: пахло какой-то птицей, вовсе не похожей на тех, что знал Бим, – воробьев там разных, веселых синиц, трясогузок и всякой мелочи, догнать какую нечего и пытаться (пробовали). Пахло чем-то неизвестным, что будоражило кровь. Бим приостановился и оглянулся на Ивана Ивановича. А тот повернул в сторону, ничего не заметив. Бим был удивлен: друг-то не чует. Да ведь он же калека! И тогда Бим принял решение сам: тихо переступая в потяжке, стал приближаться к неведомому, уже не глядя на Ивана Ивановича. Шажки становились все реже и реже, он как бы выбирал точку для каждой лапы, чтобы не зашуршать, не зацепить будылинку. Наконец запах оказался таким сильным, что дальше идти уже невозможно. И Бим, так и не опустив на землю правую переднюю лапу, замер на месте, застыл, будто окаменел. Это была статуя собаки, будто созданная искусным скульптором. Вот она, первая стойка! Первое пробуждение охотничьей страсти до полного забвения самого себя.

О нет, хозяин тихо подходит, гладит чуть-чуть вздрагивающего в трепете Бима:

– Хорошо, хорошо, мальчик. Хорошо, – и берет за ошейник. – Вперед... Вперед...

А Бим не может – нет сил.

– Вперед... Вперед... – тянет его Иван Иванович.

И Бим пошел! Тихо-тихо. Остается совсем чуть – кажется, неведомое рядом. Но вдруг приказ резко:

– Вперед!!!

Бим бросился. Шумно выпорхнул перепел. Бим рванулся за ним и-и-и... Погнал, страстно, изо всех сил.

– Наза-ад! – крикнул хозяин.

Но Бим ничего не слышал, ушей будто и не было.

– Наза-ад! – и свисток. – Наза-ад! – и свисток.

Бим мчался до тех пор, пока не потерял из виду перепела, а затем, веселый и радостный, вернулся. Но что же это значит? Хозяин сумрачен, смотрит строго, не ласкает. Все было ясно: ничего не чувствует его друг! Несчастный друг. Бим как-то осторожно лизнул руку, выражая этим трогательную жалость к выдающейся наследственной неполноценности самого близкого ему существа.

Хозяин сказал:

– Да ты вовсе не о том, дурачок. – И веселее: – А ну-ка, начнем, Бим, по-настоящему. – Он снял ошейник, надел другой (неудобный) и пристегнул к нему длинный ремень. – Ищи!

Теперь Бим разыскивал запах перепела – больше ничего. А Иван Иванович направлял его туда, куда переместилась птица. Биму было невдомек, что его друг видел, где приблизительно сел перепел после позорной погони (чувать, конечно, не чуял, а видеть видел).

И вот тот же запах! Бим, не замечая ремня, сужает челнок, тянет, тянет, поднял голову и тянет верхом... Снова стойка! На фоне заката солнца он поразителен в своей необычайной красоте, понять которую дано не многим. Дрожа от волнения, Иван Иванович взял конец ремня, крепко завернул на руку и тихо приказал:

– Вперед... Вперед...

Бим пошел на подводку. И еще раз приостановился.

– Вперед!!!

Бим так же бросился, как и в первый раз. Перепел теперь вспорхнул с жестким стрекотом крыльев. Бим опять ринулся было безрассудно догонять птицу, но... Рывок ремня заставил его отскочить назад.

– Назад!!! – крикнул хозяин. – Нельзя!!!

Бим, опрокинувшись, упал. Он не понял – за что так. И тянул ремень вновь в сторону перепела.

– Лежать!

Бим лег.

И еще раз все повторилось, уже по новому перепелу. Но теперь Бим почувствовал рывок ремня раньше, чем тогда, а по приказу лег и дрожал от волнения, страсти и в то же время от уныния и печали: все это было в его облике от носа до хвоста. Ведь так больно! И не только от жесткого, противного ремня, а еще и от колючек внутри ошейника.

– Вот так-то, Бимка. Ничего не поделаешь – так надо. – Иван Иванович, лаская, поглаживал Бима.

С этого дня и началась настоящая охотничья собака. С этого же дня Бим понял, что только он, только он один может узнать, где птица, и что хозяин-то беспомощен, а нос у него пристроен только для виду. Началась настоящая служба, в основе ее лежали три слова: нельзя, назад, хорошо.

А потом – эх! – потом ружье! Выстрел. Перепел падал, как ошпаренный кипятком.

И догонять его, оказывается, вовсе не надо, его только найти, поднять на крыло и лечь, а остальное сделает друг. Игра на равных: хозяин без чутья, собака без ружья.

Так теплая дружба и преданность становились счастьем, потому что каждый понимал каждого и каждый не требовал от другого больше того, что он может дать. В этом основа, соль дружбы.

К двум годам Бим стал отличной охотничьей собакой, доверчивой и честной. Он знал уже около ста слов, относящихся к охоте и дому: скажи Иван Иванович «подай» – будет сделано, скажи он «подай тапки» – подаст, «неси миску» – принесет, «на стул!» – сядет на стул. Да что там! По глазам уже понимал: хорошо смотрит хозяин на человека, и Биму он – зна-

комый с той же минуты, недружелюбно глянет – и Бим иной раз даже и взрычит, даже лесть (ласковую лесть) он улавливал в голосе чужого. Но никогда и никого Бим не укусил – хоть на хвост наступи. Лаем предупредит ночью, что к костру подходит чужой, пожалуйста, не укусить – ни в коем случае. Такая уж интеллигентная порода.

Что до интеллигентности, то Бим даже умел так: научился сам, дошел своим умом, царапаться в дверь, чтобы открыли. Бывало, заболит Иван Иванович и не идет с ним гулять, а выпускает одного.

Бим побеждает малость, управится, как и полагается, и спешит домой. Поцарапает в дверь, став на задние лапы, чуть поскулит просяще, и дверь открывается. Хозяин, тяжело шлепая по прихожей, встречает, ласкает и снова ложится в постель. Это когда он, пожилой человек, прихварывал (кстати, побаливал он все чаще, чего Бим не мог не заметить). Бим твердо усвоил: поцарапайся в дверь, тебе откроют обязательно; двери и существуют для того, чтобы каждый мог войти: попросись – тебя впустят. С собачьей точки зрения, это было уже твердое убеждение.

Только не знал Бим, не знал и не мог знать, сколько потом будет разочарований и бед от такой наивной доверчивости, не знал и не мог знать, что есть двери, которые не открываются, сколько в них ни царапайся.

Как оно там будет дальше, неизвестно, но пока остается сказать одно: Бим, пес с выдающимся чутьем, так-таки и остался сомнительным – свидетельство о родословной не выдали. Дважды Иван Иванович выводил его на выставку: снимали с ринга без оценки. Значит – изгой.

И все же Бим – не наследственная бездарь, а замечательная, настоящая собака: он начал работать по птице с восьми месяцев. Да еще как! Хочется верить, что перед ним открывается хорошее будущее.

Глава вторая Весенний лес

А во втором сезоне, то есть на третьем году от рождения Бима, Иван Иванович познакомил его и с лесом. Это было очень интересно и собаке, и хозяину.

В лугах и на поле, там все ясно: простор, трава, хлеба, хозяина всегда видно, ходи челноком в широком поиске, ищи, найди, делай стойку и жди приказа. Прелесть! А тут, в лесу, совсем иное дело.

Была ранняя весна.

Когда они пришли впервые, вечерняя заря только начиналась, а меж деревьев уже сумерки, хотя листья еще и не появились. Все внизу в темных тонах: стволы, прошлогодние темно-коричневые листья, коричнево-серые сухие стебли трав, даже плоды шиповника, густо-рубиновые осенью, теперь, выдержав зиму, казались кофейными зернами.

Ветки слегка шумели от легкого ветра, жидко и голо они будто ощупывали друг друга, то притрагиваясь концами, то чуть прикасаясь серединой сучьев: жив ли? Верхушки стволов легонько покачивались – деревья казались живыми даже и безлистые. Все было таинственно-шуршащим и густо-пахучим: и деревья, и листва под ногами, мягкая, с весенним запахом лесной земли, и шаги Ивана Ивановича, осторожные и тихие. Его ботинки тоже шуршали, а следы пахли куда сильнее, чем в поле. За каждым деревом что-то незнакомое, таинственное. Поэтому-то Бим и не отходил от Ивана Ивановича дальше двадцати шагов: пробежит вперед – влево, вправо – и катит назад и смотрит в лицо, спрашивая: «Мы зачем сюда попали?»

– Не поймешь, что к чему? – догадался Иван Иванович. – Поймешь, Бимка, поймешь. Подожди малость.

Так и шли, присматривая друг за другом.

Но вот они остановились на широкой поляне, на пересечении двух просек: дороги на все четыре стороны. Иван Иванович стал за куст орешника, лицом к заре, и смотрел вверх. Бим тоже там стал высматривать.

Вверху было светло, а здесь, внизу, становилось все темнее и темнее. Кто-то прошуршал по лесу и притих. Еще прошуршал и опять притих. Бим прижался к ноге Ивана Ивановича – так он спрашивал: «Что там? Кто там? Может, пойдём посмотрим?»

– Заяц, – еле слышно сказал хозяин. – Все хорошо, Бим. Хорошо. Заяц. Пусть его бегают.

Ну, раз «хорошо», значит, все в порядке. «Заяц» – тоже понятно: не раз, когда Бим натыкался на след зверька, ему повторяли это слово. А однажды видел и самого зайца, пытался его догнать, но заработал строгое предупреждение и был наказан. Нельзя!

Итак, недалеко прошуршал заяц. А дальше что?

Вдруг вверху кто-то, невидимый и неведомый, захоркал: «Хор-хор!.. Хор-хор!.. Хор-хор!..» Бим услышал это первым и вздрогнул. Хозяин тоже. Оба смотрели вверх, только вверх... Неожиданно на фоне багряно-синеватой зари вдоль просеки показалась птица. Она летела прямо на них, изредка выкрикивала так, будто это не птица, а зверек, летит и хоркает. Но то была все-таки птица. Она казалась большой, крылья же совершенно были бесшумны (не то что перепел, куропатка или утка). Одним словом, незнакомое летело вверху.

Иван Иванович вскинул ружье. Бим, как по команде, лег, не спуская взора с птицы... В лесу выстрел был таким резким и сильным, какого раньше Бим не слышал никогда. Эхо прокатилось по лесу и замерло далеко-далеко.

Птица упала в кусты, но друзья быстренько ее отыскивали. Иван Иванович положил ее перед Бимом и сказал:

– Знакомься, брат: вальдшнеп. – И еще раз повторил: – Вальдшнеп.

Бим обнюхивал, трогал лапой за длинный нос, потом сел, подрагивая и перебирая передними лапами в удивлении. Конечно же, он этим и говорил про себя: «Таких носов еще не видал. Вот это действительно но-ос!»

А лес слегка шумел, но все тише и тише. Потом и совсем затих как-то сразу, будто кто-то невидимый легонько взмахнул могучим крылом над деревьями в последний раз: хватит шороху. Ветви стали недвижны, деревья, казалось, засыпали, разве что изредка вздрагивая в полутьме.

Пролетели и еще три вальдшнепа, но Иван Иванович не стрелял. Хотя последнего они уже и не видели в темноте, а только слышали голос, но Бим был удивлен: почему друг не стрелял даже и в тех, каких хорошо видно. От этого Бим волновался. А Иван Иванович или просто смотрел вверх, или, потупившись, слушал тишину. Оба молчали.

Вот уж когда не надо никаких слов – ни человеку, ни тем более собаке!

Только напоследок, перед уходом, Иван Иванович проговорил:

– Хорошо, Бим! Жизнь начинается вновь. Весна.

По интонации Бим понял, что другу сейчас приятно. И он ткнул его носом в колено, повиливая хвостом: хорошо, дескать, о чем речь!

...Второй раз они приходили сюда поздним утром, но уже без ружья.

Ароматные набухшие почки березы, могучие запахи корней, тончайшие струйки от пробивающихся ростков трав – все это было поразительно ново и восхитительно. Солнце пронизывало в лесу все насквозь, кроме сосняка, да и тот кое-где изрезан золотом лучей. И было тихо. Главное – было тихо. До чего же хороша весенняя утренняя тишина в лесу!

На этот раз Бим стал смелее: все отлично просматривается (не то что тогда, в сумерках). И он носился по лесу вволю, не упуская, однако, из виду хозяина. Все было великолепно.

Наконец Бим наткнулся на ниточку запаха вальдшнепа. И потянул. И сделал классическую стойку. Иван Иванович послал «вперед», а стрелять-то ему и нечем. Да еще приказал лежать, как полагается при взлете птицы. Абсолютно непонятно: видит хозяин или нет?

Бим искоса поглядывал на него до тех пор, пока не убедился – видит.

По второму вальдшнепу все получилось так же. Что-то похожее на обиду Бим теперь все таки выражал: настороженный взгляд, пробежка сторонкой, даже попытки к неповиновению – одним словом, недовольство назревало и искало выхода. Именно поэтому-то Бим и погнался за взлетевшим, третьим уже, вальдшнепом, как обыкновенная дворняга. Но за вальдшнепом далеко не поскачешь: мелькнул в ветвях, и нет его. Бим вернулся недовольный, да к тому же еще был наказан. Что же, он лег в сторонке и глубоко вздохнул (собаки здорово умеют так делать).

Все это еще можно было перенести, если бы не добавилась вторая обида. Бим на этот раз открыл новый недостаток у хозяина – извращенное чутье: и без того бесчутый, да еще...

А дело было так.

Остановился Иван Иванович и смотрит, смотрит по сторонам и нюхает (туда же!). Потом шагнул к дереву, присел и тихонечко, одним пальцем, погладил цветок, малюсенький такой (для Ивана Ивановича он почти без запаха, а для Бима вонючий до невозможности). И что ему в том цветке? Но хозяин сидел, улыбался. Бим, конечно, сделал вид, что ему тоже вроде бы хорошо, но это только исключительно из уважения к личности, а на самом деле он был немало удивлен.

– Ты посмотри, посмотри-ка, Бим! – воскликнул Иван Иванович и наклонил нос собаки к цветку.

Такого Бим уже не мог вынести – он отвернулся. Затем незамедлительно отошел и лег на полянке, всем видом выражая одно: «Ну и нюхай свой цветок!» Расхождения требовали

срочного выяснения отношений, но хозяин смеялся в глаза Биму счастливым смехом. И это было обидно. «Тоже мне, хохочет!»

А тот опять к цветку:

– Здравствуй, первенький!

Бим понял точно: «здравствуй» сказано не ему.

Ревность закралась в собачью душу, если можно так выразиться, вот что случилось. Хотя дома отношения как будто и наладились, но день для Бима получился неудачный: была дичь – не стреляли, побежал сам за птицей – наказали, да еще – цветок тот. Нет, все-таки и у собаки жизнь бывает собачья, ибо она живет под гипнозом трех «китов»: «нельзя», «назад», «хорошо».

Только не ведали они, ни Бим, ни Иван Иванович, что когда-то этот день, если бы они вспомнили, показался бы им огромным счастьем.

Записки хозяина

В уставшем от зимней тягости лесу, когда еще не распустились проснувшиеся почки, когда горестные пни зимней порубки еще не дали поросль, но уже плачут, когда мертвые бурые листья лежат пластом, когда голые ветви еще не шелестят, а лишь потихоньку трогают друг друга, – неожиданно донесся запах подснежника! Еле-еле заметный, но это запах пробуждающейся жизни, и потому он трепетно-радостный, хотя почти и неосязаем. Смотрю вокруг – оказалось, он рядом. Стоит на земле цветок, крохотная капля голубого неба, такой простой и откровенный первовестник радости и счастья, кому оно положено и доступно. Но для каждого, и счастливого, и несчастного, он сейчас – украшение жизни.

Вот так и среди нас, людей: есть скромные люди с чистым сердцем, «незаметные» и «маленькие», но с огромной душой. Они-то и украшают жизнь, вмещая в себя все лучшее, что есть в человечестве, – доброту, простоту, доверие. Так и подснежник кажется капелькой неба на земле...

А через несколько дней (вчера) мы были с Бимом на том же месте. Небо окропило лес уже тысячами голубых капель. Ищу, высматриваю: где же он, тот самый первый, самый смелый? Кажется, вот он. Он или не он? Не знаю. Их так много, что того уже не заметить, не найти – затерялся среди идущих за ним, смешался с ними. А ведь он такой маленький, но героический, такой тихий, но до того напористый, что, кажется, именно его испугались последние заморозки, сдались, выбросив ранней зарей белый флаг последнего инея на опушке. Жизнь идет.

...А Биму ничего из этого недоступно понять. Даже обиделся в первый раз, заревновал. Впрочем, когда было уже много цветов, он и тогда не обращал на них внимания. При натаске же вел себя – не ахти: расстроился без ружья. Мы с ним на разных ступенях развития, но очень и очень близки. Природа творит по устойчивому закону: необходимость одного в другом начиная с простейших и кончая высокоразвитой жизнью, везде – этот закон... Разве смог бы я вынести столь жуткое одиночество, если бы не было Бима?

Как она была мне необходима! Она тоже любила подснежники. Прошрое как сон...

А не сон ли – настоящее? Не сон ли это – вчерашний весенний лес с голубизной на земле? Что ж: голубые сны – божественно целительное лекарство, пусть и временное. Конечно, временное. Ибо если бы даже и писатели проповедовали только голубые сны, уходя от серого цвета, то человечество перестало бы беспокоиться о будущем, приняв настоящее как вечное и будущее. Удел обреченности во времени и состоит в том, что настоящее должно стать только прошлым. Не во власти человека приказать: «Солнце, остановись!» Время неостановимо, неудержимо и неумолимо. Все – во времени и движении. А тот, кто ищет только устойчивого покоя, тот весь уже в прошлом, будь он молодым радетелем о

себе или престарелым – возраст не имеет значения. Голубое имеет свой звук, оно звучит как покой, забвение, но только временное, всего лишь для отдыха; такие минуты никогда не надо пропускать.

Если бы я был писателем, то обязательно обратился бы так: «О беспокойный человек! Слава тебе вовеки, думающему, страдающему ради будущего! Если тебе захочется отдохнуть душой, иди ранней весной в лес к подснежникам, и ты увидишь прекрасный сон действительности. Иди скорее: через несколько дней подснежников может и не быть, а ты не сумеешь запомнить волшебство видения, подаренного природой. Иди, отдохни. Подснежники – к счастью, говорят в народе».

...А Бим дрыхнет. И видит сон: подпрыгивает ногами – бежит во сне. Этому подснежники «до лампочки»: голубое он видит только серым (так уж устроено зрение у собаки). Природа создала как бы очернителя действительности. Поди убеди его, милого друга, чтобы он видел с точки зрения человека. Хоть голову отруби, а видеть будет по-своему. Вполне самостоятельный пес.

Глава третья

Первый неприятель Бима

Прошло лето, веселое для Бима, радостное, заполненное дружбой с Иваном Ивановичем. Походы в луга и болота (без ружья), солнечные дни, купание, тихие вечера на берегу реки – что еще надо любой собаке? Ничего не надо – это точно.

При тренировке и натаске они встречались и с охотниками. С этими знакомство происходило незамедлительно, потому что с каждым человеком была собака. Еще до того, как сходились хозяева, обе собаки бежали друг к другу и коротко беседовали на собачьем языке жестов и взглядов:

«Ты кто: он или она?» – спрашивал Бим, обнюхивая соответствующие места (конечно, для проформы).

«Сам видишь, чего и спрашивать», – отвечала она.

«Как жизнь?» – весело спрашивал Бим.

«Работаем!» – взвизгнув, отвечала собеседница, кокетливо подпрыгнув на всех четырех лапах.

После этого они мчались к хозяевам и то одному, то другому докладывали о знакомстве. Когда же оба охотника усаживались для разговора в тени куста или дерева, собаки резвились до того, что язык не умещался во рту. Тогда они ложились около хозяев и слушали тихую душевную беседу.

Другие люди, кроме охотников, для Бима были малоинтересны: люди, и все. Они хорошие. Но не охотники же!

А вот собаки, эти – разные.

Однажды в лугу встретился он с лохматенькой собачкой, вдвое меньше его, черненькая такая. Поздоровались сдержанно, без кокетства. Да и какое уж там кокетство, если новая знакомая на обычный для таких случаев перечень вопросов отвечала, лениво взмахивая хвостом:

«Я есть хочу».

У нее пахло изо рта мышонком. И Бим спросил удивленно, обнюхав ее губы:

«Ты съела мышь?»

«Съела мышь, – ответила та. – Я есть хочу». И принялась грызть белый узловатый корень камыша. Бим хотел попробовать камышовый корешок, но она, протестуя, сказала все то же:

«Я есть хочу».

Бим подождал сидя, пока она догрызла все, и пригласил ее с собой. Та пошла беспрекословно, притрухивая за ним, взлохмаченная, но чистая (видимо, любила купаться, как и большинство собак, отчего летом они и не бывают грязными, даже бездомные). Бим провел ее к хозяину, издали следившему за знакомством своего друга. Но Лохматка не поверила сразу в чужого человека, а села поодаль, несмотря на то что Бим перебежал от хозяина к ней и обратно, зовя ее, убеждая. Иван Иванович снял рюкзак, достал оттуда колбасу, отрезал маленький кусочек и бросил Лохматке:

– Ко мне, ко мне, Лохматка. Ко мне.

Кусочек упал метрах в трех от нее. Она, осторожно переступая, дотянулась, съела его и села тут же. Со следующим кусочком приблизилась еще. А потом ела уже у ног человека, даже позволила погладить себя, хотя и с опаской. Бим и Иван Иванович отдали ей все колечко колбаски: хозяин бросал куски, а Бим не мешал Лохматке есть. Все обыкновенно: брось кусочек – подойдет ближе, брось второй – еще ближе, с третьим, четвертым – уже у ног

окажется и будет служить верой и правдой. Так думал Иван Иванович. Он ощупал Лохматку, потрепал по холке и сказал:

– Нос холодный – здоровая. Это хорошо. – И дал команду обоим: – Поди, поди!

Лохматка не понимала таких слов, но когда увидела, как Бим взвился челноком по траве, то сообразила: надо бегать. И конечно, они разыграли по-собачьи так, что Бим забыл даже, зачем он тут находится. Иван Иванович не возражал, а шел себе и шел, посвистывая.

До города Лохматка сопровождала без никаких, но на окраине неожиданно села сбоку дороги и – ни с места. Звали, приглашали – не идет. Так и осталась сидеть, провожая их взглядом. Ошибся Иван Иванович – не каждую собаку можно купить на приманку.

Бим не знал и знать не мог, что у Лохматки тоже были хозяева, что жили они в своем маленьком домике, что улицу ту, где был домик, всю снесли, а хозяевам Лохматки дали квартиру на пятом этаже со всеми удобствами.

Одним словом, Лохматку бросили на произвол судьбы. Но она нашла-таки и тот новый дом, и дверь хозяина, а там ее побили и прогнали. Вот она и живет одна. По городу ходит только ночью, как и большинство бездомных собак. Иван Иванович обо всем догадался, но Биму-то рассказать невозможно. Бим просто не хотел ее оставлять: оглядывался назад. Бим приостанавливался и обращал взор к Ивану Ивановичу. Но тот шел себе и шел.

Если бы он знал, как горькая судьба сведет Бима и Лохматку, если бы знал, когда и где они встретятся, не шел бы он теперь так спокойно. Но будущее неизвестно и человеку.

...Третье лето прошло. Хорошее для Бима лето, неплохое и для Ивана Ивановича. Однажды ночью хозяин закрыл окно и сказал:

– Морозец, Бимка, первый морозец.

Бим не понял. Он встал, ткнулся в темноте носом в колено Ивана Ивановича, чем и сказал: «Не понимаю».

Иван Иванович знал собачий язык хорошо – язык глаз и движений. Он зажег свет и спросил:

– Не понимаешь, дурачок? – Затем разъяснил точно: – На вальдшнепов завтра. Вальдшнеп!

О, это слово Бим знал! Он подпрыгнул и лизнул-таки друга в подбородок.

– На охоту завтра, на охоту, Бим!

Куда там! Бим завертелся, заюлил волчком, хватая, собственный хвост, взвизгнул, потом сел и впился глазами в лицо Ивана Ивановича, подрагивая очесами передних лап. Это оборотистое слово «охота» знакомо Биму, как сигнал к счастью. Но хозяин приказал:

– А пока – спать. – Выключил свет и лег.

Остаток ночи Бим пролежал у кровати друга. Какой уж тут сон! Он и сам, Иван Иванович, то дремал, то просыпался в ожидании рассвета.

Утром они вместе собрали рюкзаки, протерли от масла стволы ружья, легко позавтракали (на охоту идти – нельзя нажираться), проверили патронташ, перекладывая патроны из гнезда в гнездо. Работы было много за этот короткий час сборов: хозяин на кухню – Бим на кухню, хозяин в чулан – Бим туда же, хозяин вынимает консервную банку из рюкзака (неудобно легла) – Бим берет ее и сует обратно, хозяин проверяет патроны – Бим следит (не ошибся бы) и в чехол с ружьем надо ткнуться носом не раз (тут ли?). А к тому же в такие колготные минуты чешется за ухом от волнения – то и дело поднимая лапу и чеши, будь оно неладно, когда и без того хлопотно до последней степени.

Ну, собрались. Бим был в восторге. Как же! Хозяин, уже в охотничьей куртке, перекинул на плечо охотничью сумку, снял ружье.

– На охоту, Бим! На охотку, – повторил он.

«На охотку, на охотку!» – говорил глазами и Бим в восхищении. Он даже чуть привизгивал от переполнившего чувства благодарности и любви к своему единственному в мире другу.

В тот момент и вошел человек. Бим его знал – встречал во дворе, – но считал малоинтересным и не заслуживающим какого-либо особого внимания с его стороны. Коротконогий, толстый, широколицый, он сказал чуть скрипучим баском:

– Привет, значит! – и сел на стул, вытирая лицо платком. – Та-ак... На охоту, значит?

– На охоту, – недовольно буркнул Иван Иванович, – по вальдшнепам. Да вы проходите – гостем будете.

– Вот та-ак... На охоту... Придется повременить, значит.

Бим переводил взгляд с хозяина на Гостя, удивленно и внимательно. Иван Иванович сказал почти сердито:

– Не понимаю вас. Уточните.

И тут Бим, наш ласковый Бим, сначала слегка взрычал и вдруг гавкнул. Сроду такого не было, чтобы вот так – дома и на гостя. Гость не испугался, он, оказалось, был равнодушен.

– На место! – так же сердито приказал Иван Иванович.

Бим повиновался: лег на лежак, положил голову на лапы и смотрел в сторону чужого.

– Ишь ты! Слушается, значит. Та-ак... Значит, он и жильцов в подъезде облаивает так же, как, допустим, лисиц?

– Никогда. Никогда и никого. Это впервые. Честное слово! – тревожился Иван Иванович и сердился. – Кстати, к лисицам он никакого отношения не имеет.

– Та-ак... – снова протянул Гость. – К делу давайте. Иван Иванович снял куртку и сумку.

– Я вас слушаю.

– У вас, значит, собака... – начал Гость. – А у меня, – он вынул бумагу из кармана, – жалоба на нее. Вот. – И подал бумагу хозяину.

Читая, Иван Иванович волновался. Бим, заметив это, самовольно сошел с места и сел в ногах друга, как бы защищая его, но на Гостя уже не смотрел, хотя и был настороже.

– Глупости здесь, – сказал Иван Иванович уже спокойнее. – Чепуха. Бим – собака ласковая, никого он не укусил и не укусит, никого не обидит. Собака интеллигентная.

– Хе-хе-хе! – потряс животом Гость. И чихнул некстати. – У-у, быдло! – обратился он беззлобно к Биму.

Бим отвернулся в сторону еще больше, но понял, что разговор идет о нем. И вздохнул.

– Как же это вы так рассматриваете жалобы? – спросил Иван Иванович, теперь уже совсем спокойно и улыбаясь. – На кого жалоба, тому и даете ее читать. Я бы вам и так пове-рил, по пересказу.

Бим заметил в глазах Гостя смешинку. А тот проговорил:

– Во-первых, так положено. Во-вторых, жалоба не на вас, а на собаку. А собаке мы не дадим читать. – И рассмеялся.

Хозяин тоже посмеялся малость. Бим даже и не улыбнулся: он знал, что речь о нем, а что к чему, не мог взять в толк – очень уж непонятный Гость оказался. Тот ткнул пальцем в сторону Бима и сказал:

– Собаку надо увольнять. – И отмахнул рукой к двери.

Бим понял, что от него требуют точно: уходи. Но от хозяина он не отступил ни на сантиметр.

– А вы позовите жалобщицу – поговорим, уладим, может быть, – попросил Иван Иванович.

Гость, сверху ожидания, вышел и вскоре же вернулся с женщиной.

– Вот, привел тебе тетку, значит.

Бим ее тоже знал: небольшого роста, визгливенькая и жирная, она, однако, днями сидела на скамейке во дворе с другими свободными женщинами. Однажды Бим даже лизнул ей руку (не от избытка чувств только к ней лично, а к человечеству вообще), отчего та взвизгнула и стала кричать что-то на весь двор, обращаясь к открытым окнам. Что уж она там кричала, Бим не понял, но испугался, бросился прочь и зацарапал в дверь домой. Больше вины за ним перед Теткой не было. И вот она вошла. Что с ним случилось! Он сначала прижался к ногам хозяина, а когда тот погладил его, то поджав хвост, ушел на лежак и смотрел на нее исподлобья. Он ничего не понимал из слов Тетки, а она стрекотала сорокой и все время показывала свою руку. Но по этим жестам, по сердитым ее взглядам Бим понял: это за то, что лизнул не тому, кому надо. Молод, молод был Бим, почему и не все еще соображал. Может быть, он думал и так: «Виноват, конечно, но что поделаешь теперь». По крайней мере, что-то подобное в его глазах было.

Только невдомек Биму, что обвиняли его ложно.

– Укусить хотел! Укуси-ить!!! Почти укуси-ил!

Иван Иванович, перебив стрекот Тетки, обратился прямо к Биму:

– Бим! А принеси-ка мне тапки.

Бим исполнил охотно и лег перед хозяином. Тот снял охотничьи ботинки и сунул ноги в тапки.

– Теперь отнеси ботинки.

Бим и это проделал: поочередно отнес их под вешалку. Тетка замолчала, вытаращив очи. Гость сказал похвально:

– Молоде-ец! Ты смотри, умеет, значит, – и как-то вроде бы недружелюбно посмотрел на Тетку. – А еще он умеет чегонибудь?

– Вы садитесь, садитесь, – попросил Иван Иванович и Тетку.

Она села, спрятав руки под фартук. Хозяин поставил стул Биму и скомандовал:

– Бим! На стул!

Биму повторять не требуется. Теперь все сидели на стульях. Тетка прикусила губу. Гость, удовлетворенно покачивал ногой, приговаривал:

– Ладно получается, ладно, ладно.

Хозяин же хитренько прищурил глаза в сторону Бима:

– А ну дай лапу, – и протянул ладонь.

Поздоровались.

– Теперь, дурачок, поздоровайся с гостем, – и указал на того пальцем.

Гость протянул руку:

– Здравствуй, братка, здравствуй, значит. Бим все сделал элегантно, как и полагается.

– А не укусит? – осторожно спросила Тетка.

– Что вы! – изумился Иван Иванович. – Протяните руку и скажите: «Лапку!»

Та действительно выволокла ладонь из под фартука и протянула Биму.

– Только не укуси, – предупредила она.

Ну, тут же описать невозможно. Что произошло. Бим шарахнулся на лежак, занял немедленно оборонительную позицию, прижавшись задом в угол, и в упор смотрел на хозяина. Иван Иванович подошел к нему, погладил, взял за ошейник и подвел к жалобнице:

– Дай лапку, дай...

Нет, не подал лапу Бим. Отвернулся и смотрел в пол. Впервые ослушался. И угрюмо поплелся опять в угол, медленно, виновато и удрученно.

Ой, что тут сотворилось! Тетка задрезбужала разохшейся трещоткой.

– Ты ж меня оскорбил! – кричала она на Ивана Ивановича. – Какая-то паршивая собака меня, советскую женщину, ни во что не ставит! – и тыкала пальцем в сторону Бима. – Да я... Да я... Подожди-ка!

– Хватит! – неожиданно рявкнул на нее Гость. – Брешишь ты, значит. Не укусила она тебя и не собиралась. Она ж тебя боится, как черт ладана.

– А ты не ори, – попробовала она отбиться.

Тогда Гость сказал однозначно:

– Цыть! – и обратился к хозяину: – С такими иначе нельзя. – И снова к Тетке: – Ишь ты! «Советская женщина», тоже мне... Иди отсюда! – рыкнул он. – Еще намутишь раз, опозорю. Иди!

Жалобу он порвал у нее на глазах.

Последнюю речь Гостя Бим понял отлично. А Тетка шла молча, гордо вскинув голову и ни на кого не глядя, хотя Бим теперь не спускал с нее глаз и даже продолжал смотреть на дверь после того, как она ушла, а шаги ее затихли.

– Очень уж вы с ней... Грубовато, – сказал Иван Иванович.

– Иначе нельзя, говорю вам: весь двор перемутит, знаю. Раз говорю, значит, знаю. Вот они где мне, эти сплетницы да смутьяны. – Он похлопал себя по загривку. – Делать-то ей нечего, вот она и норовит, кого бы ей укусить. Таких распусти – весь дом пойдет чертокопытном.

Бим все время следил за выражением лица, за жестами, интонацией и понял отлично: Гость и хозяин – вовсе никакие не враги, а даже, по всей видимости, уважают друг друга. Наблюдал он еще долго, пока они о чем-то потом беседовали. Но раз уж он установил главное, то остальное его интересовало мало. Он подошел к Гостю и улегся у его ног, как бы говоря этим: «Извиняюсь».

Записки хозяина

Сегодня был председатель домкома, разбирал жалобу на собаку. Победил Бим. Впрочем, гость мой судил как Соломон. Самородок!

Почему же Бим зарычал на него вначале? А, понял! Я ведь не подал руки, встретил вошедшего сурово (охоту же пришлось отложить), а Бим действовал согласно со своей собачьей натурой: недруг хозяина – мой недруг. И тут должно быть стыдно мне, но не Биму. Удивительно, какое у него тончайшее восприятие интонации, выражения лица, жестов! Это обязательно надо всегда иметь в виду.

После у нас состоялся интересный разговор с преддомкома. Он окончательно перешел на «ты».

– Ты, – говорит, – только подумай: сто пятьдесят квартир в моем доме! А четыре-пять смутьянок-бездельниц могут такое сотворить, что житья никому не будет. И все их знают, и все боятся, а потихоньку клянут. Ведь на дурного жильца даже унитаз урчит. Ей-бо!..

Самый мой страшный враг кто? Да тот, кто не работает. У нас, брат, можно и не работать, а есть от пуза. Тут что-то не так, скажу я тебе по душам. Не так, значит... Можно, можно не работать. Ишь ты! Вот ты, например, чего делаешь?

– Пишу, – отвечаю, хотя я и не понял, шутит он или говорит серьезно (люди с юмором частенько выдают такое).

– Да разве ж это работа! Сидишь – ничего не делаешь, а деньги небось платят?

– Платят, – отвечаю. – Но ведь я мало получаю. – Староват стал, на пенсию живу.

– А до пенсии – кем?

– Журналист я. В газетах работал. А теперь вот помаленьку пишу кое-что дома.

– Пишешь? – снисходительно переспросил он.

– Пишу.

– Ну, валяй, раз уж такое дело... Конечно, ты человек, видать, неплохой, а вот видишь. То-то и оно. Я тоже пенсию получаю, сто рублей, а работаю же преддомкома, бесплатно

работаю, учти. Я привык работать, всю жизнь на руководящей, и из номенклатуры не вышибали, и по второму кругу не ходил. Под конец уж затерли: ниже, ниже и ниже. Последнее место – маленький заводик. Там и пенсию назначили. А персональную не дали – закавыка маленькая есть... Работать обязан каждый. Так я думаю.

– Но ведь у меня работа тоже трудная, – пытался я оправдаться.

– Писать-то? Глупости. Был бы ты молодой – взялся бы я и за тебя. Ну, раз пенсия... А так, если молодые, да не работают, выживаю из дома: иль трудись, иль катись куда подальше.

Он и правда гроза бездельников в доме. Кажется, главная цель его жизни теперь – пилить лодырей, сплетников и тунеядцев, но зато воспитывать – всех без исключения, что он и делает охотно. Доказать же ему, что писать – тоже работа, оказалось невозможным: тут он либо хитрил с подводным юморком, либо был просто снисходителен (пусть, дескать, пока пишут – есть бездельники и похлестче).

Уходил он добрый, отбросив хитринку, погладил Бима и сказал:

– А ты живи, значит. Но с теткой не связывайся. – И ко мне: – Ну бывай. Пиши, видно, куда ж денешься, раз оно такое дело.

Мы пожали друг другу руки. Бим проводил его до дверей, виляя хвостом и заглядывая в лицо. У Бима появился новый знакомый: Павел Титыч Рыдаев, в обыденности – Палтитыч.

Зато у Бима завелся и неприятель: тетка, единственный человек из всех людей, которому он не верит. Собака опознала клеветника.

Но охота сегодня пропала. Так бывает: ждет человек доброго дня, а выходят одни неприятности. Бывает.

Глава четвертая

Желтый лист

В один из следующих дней, рано утром, они вдвоем вышли из дому. Сначала ехали трамваем, стоя на площадке. Вагоновожатая оказалась знакомой Ивану Ивановичу и Биму. Конечно же, Бим приветствовал ее, когда та выходила перевести стрелку. Вожатая потрепала его за ухо, но Бим руки не лизнул, а просто посеменил лапами сидя и отстучал хвостом соответственно случаю приветствие.

Потом, уже за городом, ехали в автобусе, в котором и было-то всего пять-шесть человек в такое раннее утро. При посадке водитель что-то заворчал, повторяя слово «собака» и «не положено». Бим легко во всем разобрался: шофер не желает их везти, и это плохо, – по лицам разобрался. Один из пассажиров вступился за них, второй, наоборот, поддержал шофера. Бим с большим интересом наблюдал за перепалкой. Наконец шофер вышел из автобуса. У порога хозяин дал ему желтенькую бумажку, поднялся по ступенькам вместе с Бимом, сел на сиденье и печально вздохнул: «Эх-хе-хе!»

Бим давно заметил, что люди обмениваются какими-то бумажками, пахнущими не разберешь чем. Однажды он почувал, что одна из лежащих на столе пахнет кровью, потыкал в нее носом, стараясь обратить внимание хозяина, но тот и ухом не повел – бесчутый! – а твердит свое «нельзя». Да еще и запер бумажки в стол. Иные, правда, пока чистые, пахнут хлебом, колбасой, вообще магазином, но большинство – множеством рук. Люди их любят, эти бумажки, прячут в карман или в стол, как хозяин. Хотя в этих делах Бим ничего не понимал, однако же легко сообразил: как только хозяин дал шоферу бумажку, они стали друзьями. А почему вздохнул Иван Иванович, Бим не понял, что было видно по его внимательному взгляду в глаза друга. В общем, о магической силе бумажек он даже и смутно не догадывался – недопустно это собачьему уму, не знал Бим, что для него они сослужат когда-то роковую службу.

От шоссе до леса пешком.

Иван Иванович остановился на опушке отдохнуть, а Бим поблизости обследовал местность. Такого леса он еще не видел никогда. Лес-то, собственно, тот же – они здесь бывали весной, приходили и летом (так, пошататься), но теперь здесь все-все вокруг было желтое и багряное, казалось, все горело и светило вместе с солнцем.

Деревья только-только начали сбрасывать одеяние, и листья падали, покачиваясь в воздухе, бесшумно и плавно. Было прохладно и легко, а потому и весело. Осенний запах леса – особенный, неповторимый, стойкий и чистый настолько, что за десятки метров Бим чувал хозяина. Лесную мышь он «прихватил» далеко, но не пошел за ней (знакомый пустяк!), а вот что-то живое так ударило издали в нос, что Бим приостановился. А подойдя вплотную, облаял колючий шар.

Иван Иванович встал с пенечка и подошел к Биму:

– Нельзя, Бим! Нельзя, дурачок. Ежик называется. Назад! – и увел Бима с собой.

Выходит, ежик – зверюшка, и притом хорошая, а трогать его нельзя.

Теперь Иван Иванович опять же сел на пенек, приказал Биму тоже сидеть, а сам снял кепку, положил ее рядом на землю и смотрел на листья. И слушал тишину леса. Ну конечно же, он улыбался! Он был сейчас таким, как всегда перед началом охоты.

Бим тоже слушал.

Прилетела сорока, прострекотала нахально и улетела. Перепрыгивая с ветки на ветку, приблизилась сойка, прокричала с кошачьим надрывом и тоже упрыгала так же, по веткам. А вот королек-малютка, этот совсем-совсем рядом: «Свить, свить! Свить, свить!» Ну что ты

с ним будешь делать! И размером-то с жука, а туда же: «Свить, свить! Свить, свить!» Вроде бы приветствует.

Все остальное было тишиной.

И вот хозяин встал, расчехлил ружье, вложил патроны. Бим задрожал от волнения. Иван Иванович потрепал его ласково по загривку, отчего Бим еще больше разволновался.

– Ну, мальчик... Ищи!

Бим пошел! Малым челноком пошел, лавируя между деревьями, приземисто, пружинисто и почти бесшумно. Иван Иванович потихоньку двинулся за ним, любуясь работой друга. Теперь лес со всеми красотами остался на втором плане: главное – Бим, изящный, страстный, легкий на ходу. Изредка подзывая его к себе, Иван Иванович приказывал ему лежать, чтобы дать успокоиться, втянуться. А вскоре Бим уже пошел ровно, со знанием дела. Великое искусство – работа сеттера! Вот он идет легким галопом, подняв голову, ему не надо опускать ее и искать низом, он берет запахи верхом, при этом шелковистая шерсть облегает его точеную шею, оттого он так и красив, что держит голову высоко, с достоинством, уверенностью и страстью.

Такие часы для Ивана Ивановича были часами забвения. Он забывал войну, забывал невзгоды прошедшей жизни и свое одиночество. Даже сын Коля, его кровное дитя, отнятое жестокой войной, будто присутствовал с ним, будто он, отец, доставлял ему радость даже мертвому. Он ведь тоже был охотником! Мертвые не уходят из жизни тех, кто их любил, мертвые только не стареют, оставаясь в сердце живых такими, какими они ушли. Так и у Ивана Ивановича: рана зарубцевалась в душе, но болит всегда. На охоте же всякая боль души становится хоть немного, но легче. Благо тому, кто родился охотником!

И вот Бим замедлил ход, сужая челнок, чуть приостановился на секунду и пошел редким, крадущимся шагом. Что-то кошачье было в его движениях, мягких, осторожных, плавных. Теперь он уже вытянул голову вровень с туловищем. Каждой частицей тела, включая и вытянутый хвост, оперенный длинной шерстью, он был сосредоточен на струе запаха. Шаг... И поднимается только одна лапа. Шаг – и следующая лапа так же на долю секунды замирает в воздухе и неслышно опускается. Наконец передняя правая, как почти всегда, замерла, не коснувшись земли.

Позади, взяв ружье на изготовку, тихо подошел Иван Иванович. Теперь две статуи: человек и собака.

Лес молчал. Лишь чуть-чуть играли золотые листья березы, купаясь в блесках солнца. Притихли молодые дубки рядом с величавым исполином дубом, отцом и прародителем. Бесшумно трепетали оставшиеся на осине серебряно-серенькие листья. А на палой желтой листве стояла собака – одно из лучших творений природы и терпеливого человека. Ни единый мускул не дрогнет! В такие минуты Бим кажется полумертвым, это похоже на транс от восхищения и страсти. Вот что такое классическая стойка в желтом лесу.

– Вперед, мальчик...

Бим поднял вальдшнепа на крыло.

Выстрел!

Лес встрепелся, ответив недовольным, обиженным эхом. Казалось, береза, забравшаяся на границу дубняка и осинника, испугалась, вздрогнула. Дубы охнули, как богатыри. Осина, что рядом, торопливо посыпала листьями.

Вальдшнеп упал комом. Бим подал его по всем правилам. Но хозяин, приласкав Бима и поблагодарив за красивую работу, подержал птицу на ладони, посмотрел на нее и сказал задумчиво:

– Эх, не надо бы...

Бим не понял, глядялся в лицо Ивана Ивановича, а тот продолжал:

– Для тебя только, Бим, для тебя, глупыш. А так – не стоит.

И опять Бим не понял – недоступно ему такое понять. Но за всю охоту стрелок, как казалось Биму, «мазал», как слепой. Очень недоволен был пес, когда хозяин и вовсе не выстрелил в одного из вальдшнепов. Зато самого последнего он свалил чисто.

Домой они возвратились уже затемно, усталые и оба добрые, ласковые друг к другу. Бим, например, не пожелал ночевать на своем лежаке, а стащил оттуда подстилку, приволок ее к кровати Ивана Ивановича и улегся рядом с ним, на полу. В этом смысл: его нельзя прогнать на место, потому что «место» он принес с собой.

Ночью Иван Иванович почему-то стонал тихонько, вставал, глотал таблетки и снова ложился. Бим сначала настороженно прислушивался, присматривался к другу, потом встал и лизнул вытянутую с кровати руку.

– Осколок. Осколок, Бимка... Ползет. Плохо, мальчик, – сказал Иван Иванович, держа руку у сердца.

Слово «плохо» Бим знал отлично и уже давно. И вот уже несколько раз он слышал слово «осколок», он его не понимал, но собачьим нутром догадывался, что оно тревожное, плохое слово, жуткое.

Но все обошлось: утром, после прогулки, Иван Иванович сел за стол, как и обычно, положил перед собой белый лист и зашептал по нему палочкой.

Записки хозяина

Вчера был счастливый день. Все – как надо: осень, солнце, желтый лес, изящная работа Бима. А все-таки какой-то осадок на душе. Отчего бы?

В автобусе Бим явно заметил, как я вздохнул, и явно же не понял меня. Пес вовсе не может представить, что я дал взятку шоферу. Собаке – наплевать на это. А мне? Какая разница – рубль я дал за малое «дело», или двадцать – за большое, или тысячу – за крупное? Все равно стыдно. Словно продаешь свою совесть по мелочам. Конечно, Бим стоит ниже человека, поэтому никогда и не догадается об этом.

Не понять того Биму, что бумажки эти и совесть иногда находятся в прямой зависимости. Но какой же я чудак! Нельзя же требовать от собаки больше того, что она может: очеловечивать собаку нельзя.

И еще: мне жаль стало убивать дичь. Это, наверное, старость. Так хорошо вокруг, и вдруг мертвая птица. Я не вегетарианец и не ханжа, описывающий страдания убитых животных и уписывающий с удовольствием их мясо, но до конца дней ставлю себе условие: одного-двух вальдшнепов за охоту, не больше. Если ни одного – еще бы лучше, но тогда Бим погибнет как охотничья собака, а я вынужден буду купить птицу, которую для меня убьет кто-то другой. Нет уж, увольте от такого... А к кому, собственно, я обращаюсь? Впрочем, к самому себе: раздвоение личности в длительном одиночестве в какой-то степени неизбежно. Веками от этого спасала человека собака.

Откуда же все-таки осадок от вчерашнего? И только ли от вчерашнего? Не пропустил ли я какую-то мысль?... Итак, вчерашний день: стремление к счастью – и желтый рубль, желтый лес – и убитая птица. Что это: уж не сделка ли со своей совестью?

Стоп! Вот какая мысль ускользнула вчера: не сделка, а укор совести и боль за всех, убивающих бесполезно, когда человек теряет человечность. Из прошлого, из воспоминаний о прошлом идет и все более растет во мне жалость к птицам и животным.

Я вспоминаю.

Была установка руководства общества охотников об уничтожении сорок как вредных птиц, и это обосновывалось якобы наблюдением биологов. И все охотники убивали сорок со спокойной совестью. Была такая установка и об ястребиных птицах. Их тоже убивали. И о волках. Этих уничтожили почти начисто. За волка платили премию в триста рублей

(старыми деньгами), а за лапки сороки или коршуна, представленные в общество охотников, то ли пять копеек, то ли пятьдесят – не помню.

Но вдруг, в новой установке, коршун и сорока объявлены полезными птицами, не врагами птиц: уничтожать их запрещено. Строжайший приказ к уничтожению сменился строжайшим наказом к запрещению.

Осталась теперь единственная птица, подлежащая уничтожению, объявленная вне закона, – серая ворона. Она якобы разоряет птичьи гнезда (в чем, впрочем, обвинялась безапелляционно и сорока). Зато никто не отвечает за отравление ядохимикатами птиц степных и лесостепных районов. Спасая леса и поля от вредителей, мы уничтожали птиц, а уничтожая их, губили... леса. Неужели виноватой оказалась серая ворона, извечный санитар и спутник человеческого общества?

Вали на серую ворону! – самое верное, элементарное оправдание виновных в смерти птиц.

Длительные эксперименты со смертью – ужасно. Уже восстают против этого честные ученые биологи и охотники, уже борьба за охрану птиц и лесов идет в международном масштабе.

Поднял ли я в свое время голос против экспериментов со смертью? Нет. И это – укор и моей совести. Как бледно и немощно прозвучал бы мой голос теперь, если бы я сказал задним числом так:

«Спасите серую ворону – отличного санитара местожительства людей, спасите ее от истребления, ибо она помогает очищать от нечистот местность вокруг нас так же, как сатирик очищает общество от духовных нечистот, спасите серую ворону за это самое; пусть она немножко воровка птичьих яиц, но на то и серая ворона, чтобы птицы умели строить гнезда; спасите эту колготную насмешницу, единственную птицу, обладающую наглостью наивности настолько, что она в глаза человеку может так и ляпнуть с дерева: „Ка-ар-р!“ (уходи, дурак!), а только вы отошли, слетит вниз и, насмешливо побрякивая, приметя вновь уплетать тухлый кусок мяса, который ни одна собака в рот не возьмет. Спасите серую ворону – сатирика птичьего мира! Не бойтесь ее. Посмотрите, как маленькие ласточки дружно клюют ее и прогоняют оттуда, где и без нее чистота, а она улетает от них, ехидненько покаркивая, туда, где пахнет тухлым. Спасите серую ворону!»

Действительно, получилось бы и немощно, и бездоказательно. Но так пусть и остается такое в той тетрадке о Биме. Сейчас прямо и напишу на обложке: «Бим».

Здесь все будет только для самого себя. Ведь записки я начал ради спасения чести Бима, виновного в своем рождении, но они разрастаются все больше, и уже обо всем том, что связано не только с Бимом, но и со мной. Никто их, видимо, не напечатает, да и кому интересно читать «о собаке, о себе»? Никому. Так и хочется написать словами Кольцова:

Пишу не для мгновенной славы:
Для развлечения, для забавы,
Для милых, искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

...А Бим лежит и днем – наработался, дружище, нахватался целительных запахов желтого леса.

Ах, желтый лес, желтый лес! Вот вам и кусочек счастья, вот вам и место для раздумий. В осеннем солнечном лесу человек становится чище.

Глава пятая

На облаве в Волчьем яру

В один из осенних дней к Ивану Ивановичу зашел человек, от которого пахло ружьем и собакой. Хотя он не был в охотничьих доспехах и одет был обыкновенно, как все малоинтересные люди, но Бим уловил в нем и тонкий запах леса, и следы ружья на ладонях, и ароматный запах осеннего листа от ботинок. Конечно же, Бим обо всем этом сказал, обнюхивая гостя, бросая взгляды на хозяина и энергично работая хвостом. Видел он его впервые, а вот сразу же признал товарищем без никаких сомнений и колебаний. Гость знал собачий язык, потому и сказал ласково:

– Признал, признал. Молодец, хорошо, хорошо. – Потрепал по голове и сказал уверенно и четко: – Сидеть!

Бим исполнил приказание – сел, в нетерпении перебирая лапами. И слушал, и смотрел неотрывно.

Хозяин и гость пожали руки, встретившись добрыми глазами. «Отлично!» – сказал Бим, взвизгнув.

– Умный пес, – сказал гость, бросив взгляд на Бима.

– Хороший Бим, лучше не надо! – подтвердил Иван Иванович. Вот так они поговорили втроем немного, и гость охотник достал из кармана бумагу, разложил ее, стал водить по ней пальцем и говорить:

– Вот тут... тут, в самой гущине Волчьего яра. Сам подвывал... Пятеро откликнулись: три прибылых, два матерых. Одного перевидел. Ну и во-олк!

Бим знал слова хозяина на поиске: «Тут, тут, тут и тут». И насторожился. Но когда было сказано «во-олк!», он расширил глаза: это тот жуткий запах лесной собаки, запах, которого испугался когда-то Бим, запах, о котором хозяин тогда устрашающе повторял, показывая след: «Волк! Это волк, Бим». Вот теперь и охотник сказал тоже так: «Ну и во-олк!»

Гость ушел, попрощавшись с Бимом.

Иван Иванович сел заряжать патроны, закладывая крупные горошины свинца и пересыпая их картофельной мукой.

Ночью Бим спал беспокойно.

А задолго до рассвета они вышли с ружьем на улицу и стали на углу. Вскоре подъехал большой автомобиль, загруженный охотниками. Они сидели в крытом кузове на скамейках, сидели тихо и торжественно. Иван Иванович сначала посадил Бима, потом и сам влез в шалаш. Вчерашний охотник сказал Ивану Ивановичу:

– Э-э, нет! Зачем же Бима с собой!

– Собак не должно быть на облаве. Снять! – строго сказал кто-то. – Голос подаст – и пропала облава.

– Бим не подаст голоса, – будто оправдываясь, говорил Иван Иванович. – Не гончак же он.

Ему возражали одновременно несколько человек, но кончилось тем, что вчерашний гость сказал:

– Ладно. С Бимом поставлю в запасную. Есть место, Иван Иванович: было так, что волк прорывался там через флажки, по протоке.

Бим догадался, что его не хотят брать. Он тоже уговаривал соседей, но в темноте этого никто не понял. И все же автомобиль тронулся.

Уже солнце взошло, когда остановились у кордона знакомого лесника. Вышли все тихо, без единого слова, как и Бим. Потом долго шли гуськом вдоль опушки. Никто не курил, не

кашлял, не стукнул даже сапогом о сапог, ступая по-собачьи: тут все знали – куда, кто и зачем. Не знал только один Бим, но он тоже шел тенью след в след за хозяином. Тот на ходу притронулся к уху Бима: хорошо, дескать, хорошо, Бим.

Впереди всех, главным, шел вчерашний гость – охотник. И вот он поднял руку – все остановились. Трое передних ушли в лес еще тише, по-кошачьи, и вскоре вернулись. Теперь главный поднял вверх фуражку и отмахнул ею вперед. По этому знаку половина охотников пошла за ним, в том числе, позади прочих, Иван Иванович и Бим. Так что Бим шел последним; тише его никто не мог передвигаться, но, несмотря на это, Иван Иванович взял его на поводок.

По безмолвной команде главного первый, идущий за ним, стал за куст и замер. Вскоре так же замер у дубняка второй, потом третий, и так поодиночке все заняли свои номера. Остались около главного Иван Иванович и Бим. Они шли еще осторожнее, чем раньше. Теперь Бим увидел, что сбоку их пути протянут шнур, а на нем не шевелясь висели куски материи, похожей на огонь. Но наконец главный поставил их вдвоем, а сам ушел назад.

Бим чутким ухом все-таки слышал его шаги, хотя людям казалось, что их никто не слышит. Бим уловил, что главный провел и остальных охотников, но так далеко, что, по мере удаления, даже Бим уже не различал шороха.

И наступила тишина. Настороженная, тревожная тишина леса. Бим это чувствовал и по тому, как хозяин замер, как у него дрогнуло колено, как он беззвучно открыл ружье, вложил патроны, закрыл и снова застыл в напряжении.

Они стояли под прикрытием куста орешника сбоку промоины, заросшей густым терником. А кругом был могучий дубовый лес, суровый сейчас, молчаливый. Каждое дерево – богатырь! А между ними густой подлесок еще сильнее подчеркивал необыкновенную мощь векового леса.

Бим превратился в сгусток внимания: он сел недвижно и ловил запахи, но пока ничего особенного не примечал, так как воздух неподвижен. И от этого Биму было беспокойно. Когда есть хоть малый ветерок, он всегда знал, что там, впереди, он читал по струям, как по строкам, а в безветрие, да еще в таком лесу, – попробуй-ка быть спокойным, когда к тому же его добрый друг стоит рядом и волнуется.

И вдруг началось.

Сигнальный выстрел разорвал тишину на большие куски: это пророкотало то там, то тут, то где-то вдаль. А вслед, как бы в тон лесному рокоту, далеко далеко голос главного:

– Поше-е-ел! О-го-го-го-го-го-о-о! Иван Иванович наклонился к уху Бима и еле слышно прошептал:

– Лежать! Бим лег. И дрожал.

– О-го-го-о-о! – ревели там охотники-загонщики. Тишина теперь рассыпалась на голоса, незнакомые, неистовые, дикие. Застучали палками о деревья, затрещала трещотка, как сто сорок перед гибелью. Цепь загонщиков приближалась с криком, гомоном и выстрелами вверх.

И вот. Бим зачуял знакомый с юности запах: волк! Он прижался к ноге хозяина, чуть-чуть – совсем чуть-чуть! – привстал на лапы и вытянул хвост. Иван Иванович все понял.

Они увидели оба: вдоль флажков, вне выстрела, показался волк. Шел он широкими махами, голову опустил, хвост висел поленом. И тут же зверь скрылся. Сразу же, почти тотчас, раздался выстрел в цепи, за ним – второй.

Лес рокотал. Лес почти озлобленно встревожился.

Еще выстрел на номере. Это уже совсем близко. А крики все ближе, ближе и ближе.

Волк, огромный старый волк появился неожиданно. Он пришел промоиной, скрытый терником, а завидев флажки, резко остановился, будто на что-то напоролся. Но здесь, над промоиной, флажки висели выше, чем на всей линии, втрое выше роста зверя. А гомон людей настигал вплотную. Волк как-то не очень решительно и даже вяло прошел под флаж-

ками и оказался в пятнадцати метрах от Ивана Ивановича и Бима. Вот он сделал несколько махов, но за это время человек и собака успели рассмотреть, что он был ранен: пятно крови расплылось на боку, рот окаймлен пеной с красноватым налетом.

Иван Иванович выстрелил.

Волк, подпрыгнув на всех четырех ногах, резко, всем корпусом, не поворачивая шеи, обернулся на выстрел и... Стал. Широкий мощный лоб, налитые кровью глаза, оскаленные зубы, красноватая пена... И все-таки он не был жалок. Он был красив, этот вольный дикарь. О нет, он не хотел падать и сейчас, гордый зверь, но... Рухнул-таки плашмя, медленно перебирая лапами. Потом замер, присмирел, успокоился.

Бим не смог вынести всего этого. Он вскочил и встал на стойку. Но что это была за стойка! Шерсть на спине взъерошилась, на холке она почти стояла торчком, а хвост зажат между ног: озлобленно-трусливая, безобразная стойка на своего брата, на гордого царя собак, уже мертвого и потому безопасного, но страшного духом своим и кровью своей страшного. Бим ненавидел брата своего, Бим верил человеку, волк не верил. Бим боялся брата, волк не боялся его, даже смертельно раненный.

...А крики уже приблизились вплотную. Еще был один выстрел. И еще дуплет. Видимо, какой-то опытный волк шел совсем близко от цепи и, возможно, прорвался через нее в самый последний момент, когда люди уже потеряли бдительность и сходились друг с другом. Наконец появился из подлеска главный, подошел к Ивану Ивановичу и сказал, глядя на Бима:

– Ух ты! И на собаку не похож: зверь зверем. А два прорвались все-таки, ушли. Один раненый.

Иван Иванович гладил Бима, ласкал, уговаривал, но тот хотя и уложил шерсть на спине, однако все еще крутился на месте, часто-часто дышал, высунув язык, и отворачивался от людей. Когда же оба охотника направились к трупу волка, Бим не пошел за ними, а, наоборот, нарушив все правила, волоча за собой поводок, отошел метров на тридцать подальше, лег, положив голову на желтые листья и дрожал как в лихорадке. Вернувшись к нему, Иван Иванович заметил, что белки глаз у Бима кроваво красные. Зверь!

– Ах, Бимка, Бимка. Плохо тебе? Конечно, плохо. Так надо, мальчик. Надо.

– Учти, Иван Иванович, – сказал главный, – легавую собаку можно и загубить волком – леса будет бояться. Собака – раб, волк – зверь свободный.

– Так-то оно так, но Биму уже четыре года – собака взрослая, лесом не испугаешь. Зато в лесу, где волки, он уже не отойдет от тебя: наткнется на след и скажет: «Волки!».

– И правда ведь: волки берут легавых, как малых цыплят. А этого теперь вряд ли возьмет: от ноги твоей не отойдет, если зачует.

– Вот видишь! Только до года не надо пугать зверем. А так – что ж поделаешь! – пусть переживет.

Иван Иванович увел Бима, а главный остался у волка, поджидая загонщиков.

Когда собрались на кордоне все охотники, выпили по чарке и загомонили, веселые и возбужденные, Бим отчужденно и одиноко лежал под плетнем, свернувшись калачиком, суровый, красноглазый, пораженный и зараженный волчьим духом. Ах, если бы Бим мог знать, что судьба еще раз забросит его в этот же самый лес!

К нему подошел лесник, хозяин кордона, присел на корточки, погладил по спине:

– Хороший пес, хороший. Умный пес. За всю облаву не гавкнул и не завыл.

Тут все любили собак.

Но когда охотники уселись в автомобиль и Иван Иванович посадил туда Бима, тот кошкой выпрыгнул на землю, ошестившись и скуля: он не желал быть вместе с тремя мертвыми волками.

– Ого! – сказал главный. – Этот теперь не пропадет.

Незнакомый тучный охотник недовольно вышел из кабины и грузно полез в кузов, а Иван Иванович с Бимом сели в кабину.

После было не так уж много охот на вальдшнепа, но Бим работал отлично, как и всегда. Однако стоило ему причуять след волка, он прекращал охоту: прижимался к ноге хозяина и – ни шагу. Так он четко выражал слово «волк». И это было хорошо. А после облавы он еще больше стал любить Ивана Ивановича и верить в его силу. Верил Бим в доброту человека. Великое благо – верить. И любить. Собака без такой веры – уже не собака, а вольный волк или (что еще хуже) бродячий пес. Из этих двух возможностей выбирает каждая собака, если она перестала верить хозяину и ушла от него или если ее выгнали. Но горе той собаке, которая потеряет любимого друга-человека, будет его искать, ждать. Она тогда уже не сможет быть ни вольным волком, ни обыкновенным бродячим псом, а останется той же собакой, преданной и верной потерявшему другу, но одинокой до конца жизни.

Я не буду, дорогой читатель, рассказывать ни одной из множества достоверных историй о такой преданности в течение многих лет и до конца собачьей жизни. Я расскажу только об одном Биме с черным ухом.

Глава шестая

Прощание с другом

Как-то после охоты Иван Иванович пришел домой, накормил Бима и лег в постель, не поужинав и не выключив свет. В тот день Бим здорово наработался, потому быстро уснул и ничего не слышал. Но в последующие дни и Бим стал замечать, что хозяин все чаще ложится и днем, о чем-то печалится, иногда внезапно охнет от боли. Больше недели Бим гулял один, не подолгу – по надобности. Потом Иван Иванович слег, он еле-еле доходил до двери, чтобы выпустить или впустить Бима. Однажды он простонал в постели как-то особенно тоскливо. Бим подошел, сел у кровати, внимательно посмотрел в лицо друга, затем положил голову на вытянутую его руку. Он увидел, какое стало у хозяина лицо: бледное-бледное, под глазами темные каемки, небритый подбородок заострился. Иван Иванович повернул голову к Биму и тихо, ослабевшим голосом сказал:

– Ну? Что будем делать, мальчик?. Худо мне, Бим, плохо. Осколок... Подполз под сердце. Плохо, Бим.

Голос его был таким необычным, что Бим заволновался. Он заходил по комнате, то и дело царапаясь в дверь, как бы зовя: «Вставай, дескать, пойдем, пойдем». А Иван Иванович боялся пошевелиться. Бим снова сел около него и проскулил тихонько.

– Что же, Бимка, давай попробуем, – еле выговорил Иван Иванович и осторожно привстал.

Он немного посидел на кровати, затем стал на ноги и, опираясь одной рукой о стену, другую держа у сердца, тихо переступал к двери. Бим шел рядом с ним, не спуская взгляда с друга, и ни разу, ни разу не вильнул хвостом. Он будто хотел сказать: ну, вот и хорошо. Пошли, пошли потихоньку, пошли.

На лестничной площадке Иван Иванович позвонил в соседнюю дверь, а когда появилась девочка, Люся, он что-то ей сказал. Та убежала к себе в комнату и вернулась со старушкой, Степановной. Как только Иван Иванович сказал ей то же самое слово «осколок», она засуетилась, взяла его под руку и повела обратно.

– Вам надо лежать, Иван Иванович. Лежать. Вот так, – заключила она, когда тот вновь лег на спину. – Только лежать. – Она взяла со стола ключи и быстро ушла, почти побежала, засеменив по-старушечьи.

Конечно, Бим воспринял слово «лежать», повторенное трижды, так, будто оно относится и к нему. Он лег рядом с кроватью, не спуская взора с двери: горестное состояние хозяина, волнение Степановны и то, что она взяла со стола ключи, – все это передалось Биму, и он находился в тревожном ожидании.

Вскоре он услышал: ключ вставили в скважину, замок щелкнул, дверь открылась, в прихожей заговорили, затем вошла Степановна, а за нею трое чужих в белых халатах – две женщины и мужчина. От них пахло не так, как от других людей, а скорее тем ящичком, что висит на стене, который хозяин открывал только тогда, когда говорил: «Худо мне, Бим, худо, плохо».

Мужчина решительно шагнул к кровати, но...

Бим бросился на него зверем, упер ему в грудь лапы и дважды гавкнул изо всей силы. «Вон! Вон!» – Прокричал Бим.

Мужчина отпрянул, оттолкнув Бима, женщины выскочили в прихожую, а Бим сел у кровати, дрожал всем телом и, видно, был готов скорее отдать жизнь, чем подпустить неведомых людей к другу в такую трудную для него минуту.

Врач, стоя в дверях, сказал:

– Ну и собака! Что же делать?

Тогда Иван Иванович позвал Бима жестом поближе, погладил его по голове, чуть повернувшись. А Бим прижался к другу плечом и лизал ему шею, лицо, руки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.